

Фармаковский Николай Васильевич

Врачи и общество

**Мысли врача по поводу "Записок
врача" Вересаева**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н63

Н63 **Николай Васильевич Ф.**
Врачи и общество: Мысли врача по поводу "Записок врача" Вересаева / Фармаковский
Николай Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 151 с.

ISBN 978-5-519-78687-4

ISBN 978-5-519-78687-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ общемъ было предложено слѣдующее: не заставлять работать врача при такихъ условіяхъ, гдѣ дѣлать этого невозможно; не заставлять врача исполнять два дѣла заразъ, выдѣливъ для нѣкоторыхъ изъ его занятій особые дни; не заставлять врача безъ перерыва работать цѣлыя сутки или безъ особой нужды отрываться каждую минуту отъ его личныхъ дѣлъ или отъ необходимаго отдыха.

Иначе говоря, при обезпеченіи врачебной помощью всѣхъ непреложныхъ случайностей и экстренныхъ заболѣваній, устранить съ пути врача только искусственно созданныя ему обществомъ нарушенія его правильной, присущей каждому человѣку жизни.

И что-же? Не говоря уже о мелкой прессѣ, служащей отголоскомъ мало думающей публики, и, съ цѣлью заполненія своихъ столбцовъ, готовой поддержать какой угодно абсурдъ, и болѣе солидныя лица на собраніи считали себя вправѣ возражать противъ того, что врачи представляютъ изъ себя людей. Они не хотѣли понять того, что врачи, какъ всякіе работники, а тѣмъ болѣе работники, имѣющіе дѣло съ живыми людьми, обязаны устраивать себѣ подходящія для работы условія и обстановку; что врачи, какъ и всѣ другіе люди, неспособны дѣлать двухъ дѣлъ заразъ и обдумывать въ одно и то же время цѣлый рядъ различныхъ мыслей...

Къ счастью, благоразуміе взяло верхъ: всѣ ходатайства врачей были удовлетворены, хотя постановка рѣшенія и носила на себѣ характеръ какъ бы снисхожденія, сдѣланнаго врачамъ, а не введенія должныхъ и присущихъ всѣмъ сословіямъ правовыхъ законовъ.

И нужно замѣтить, что это было въ одномъ изъ передовыхъ уѣздовъ. А въ сколькихъ мѣстахъ такое же ходатайство врачей было отклонено совершенно, и слѣдовательно, имъ было отказано въ признаніи ихъ человѣческихъ свойствъ.

Всѣ эти мысли и факты вѣдь пережиты каждымъ изъ насъ, и потому, если авторъ предлагаемыхъ записокъ врачъ и притомъ еще талантливый художникъ, то онъ и долженъ прежде всего, какъ это бываетъ въ запискахъ, встать на субъективную сторону врача и изложить все живо, картинно и правдоподобно.

Уже заранѣе благодарный автору за принятый имъ на себя трудъ изобразить внутреннюю жизнь врача, съ нетерпѣніемъ приступаю къ чтенію.

Первыя строки и страницы воскрешаютъ во мнѣ всѣ пережитыя чувства. Та же ненависть къ гимназіи, сознаніе той же бесполезности предлагаемыхъ ею свѣдѣній. Тотъ же наплывъ новыхъ свѣтлыхъ впечатлѣній при поступленіи въ университетъ.

Замѣчательно вѣрно подхваченъ авторомъ взглядъ на человека послѣ изученія анатоміи, какъ на цѣльный анатомическій препаратъ, на собраніе воедино всѣхъ его анатомическихъ частей. И все это изображено такъ живо, такъ ярко, какъ будто вновь переживаешь свои юношескіе годы и вновь испытываешь прежнія впечатлѣнія и чувства...

Но далѣе, когда авторъ переноситъ насъ въ клинику, краски его нѣсколько сгущаются, и впечатлѣніе получается не то. Художественная образность начинаетъ брать верхъ надъ дѣйствительностью. На меня, по крайней мѣрѣ, клиника такого удручающаго впечатлѣнія не произвела. Развѣ, быть можетъ, авторъ раньше поступленія своего на медицинскій факультетъ, никогда не видалъ больныхъ? Потому клиника и произвела на него такое тяжкое впечатлѣніе. У меня же она вызвала совершенно противоположныя чувства. Въ ней я положительно не узналъ тѣхъ больныхъ, которыхъ мнѣ приходилось видѣть въ жизни. Вотъ больной въ послѣдней стадіи чахотки. Дома онъ оказалъ бы удручающее вліяніе на всю обстановку, вызывалъ бы плачъ, суматоху, беспокойство со стороны окружающихъ лицъ.

Здѣсь же вся обстановка какъ бы предназначена для него. Не знаю, какъ за глазами, но при насъ сидѣлки относятся къ нему ласково, спокойно, всѣ лица ободряютъ его своей жизнью, своимъ вниманіемъ и заботой. Онъ какъ бы не чувствуетъ себя больнымъ, а студенты со своими свѣжими свѣдѣніями о болѣзняхъ скорѣе видятъ въ немъ обладателя различныхъ легочныхъ кавернъ и уплотнѣній, чѣмъ то, что называется въ жизни чахоточнымъ больнымъ.

То-то и замѣчательно, что клиническая обстановка какъ бы отвлекаетъ отъ обыкновенной жизни и, насколько я могу судить по себѣ и своимъ товарищамъ, заставляетъ по крайней мѣрѣ на первое время видѣть въ больномъ чисто научный объектъ, выдѣляя его изъ обычныхъ житейскихъ условій.

Уже впоследствии, особенно, когда приходится видѣть больного въ его обычной обстановкѣ, когда обрисовывается ясно все нарушеніе его домашняго быта, всѣ эти тревожныя, смущенныя лица окружающихъ его родныхъ, всѣ недоконченныя и брошенныя имъ дѣла, однимъ словомъ, полное нарушеніе когда-то правильной, спокойной жизни, тогда невольнымъ образомъ къ научному взгляду на болѣзнь прибавляется и масса другихъ чисто житейскихъ впечатлѣній.

Въ клиникѣ же нѣтъ этихъ побочных обстоятельствъ. Ея нормальная жизнь это—жизнь больныхъ, и скорѣе живущій въ ней безъ дѣла здоровый человѣкъ произвелъ бы диссонансъ съ ея обычной обстановкой.

Такія - то особенныя условія клинической жизни и заставляютъ обыкновенно научно настроенныхъ студентовъ-врачей смотрѣть на лежащихъ тамъ больныхъ, какъ на научные объекты. Странно, почему авторъ «Записокъ» въ своихъ знакомыхъ «дѣвушкахъ, отъ которыхъ раньше на его душѣ становилось свѣтло и хорошо», начинаетъ видѣть мысленнымъ окомъ лишь ихъ

анатомическія составныя части, а приходя въ клинику, не можетъ встать на высоту научной точки зрѣнія и взглянуть на больныхъ именно такъ, какъ онъ смотритъ на своихъ знакомыхъ дѣвицъ.

Совершенно непонятнымъ для чувствъ врача, особенно студента-врача, глядящаго на все новыми, только что открытыми ему наукою глазами, покажется, напр., изображенное авторомъ описаніе первыхъ видѣнныхъ имъ родовъ.

Каждый изъ насъ при наблюденіи первыхъ родовъ прежде всего интересовался процессомъ ихъ хода, интересовался процессомъ каждой схватки, cadaго движенія ребенка и первымъ появленіемъ его на свѣтъ. Поглощенные этимъ нагляднымъ представленіемъ того, о чемъ учили насъ книги, мы совершенно отвлекались отъ всякихъ житейскихъ соображеній и видѣли въ роженицѣ лишь изучаемый нами объектъ. Авторъ же опять-таки смотритъ на роженицу глазами непосвященнаго посторонняго свидѣтеля, пришедшаго не изучать роды, а только какъ бы полюбопытствовать на нихъ.

Не узнаю я въ этой части его «Записокъ» своихъ бывшихъ ощущеній, не узнаютъ ихъ и другіе врачи; да и самъ авторъ, вѣроятно, уже прибавилъ къ нимъ послѣдующія тенденціозныя чувства...

Насколько неправдоподобно у *Вересаева* описаніе вышеозначенныхъ впечатлѣній, настолько живо и вѣрно представляетъ онъ развившуюся у него саркому и другую ужасную, неизлечимую болѣзнь. Каждый изъ насъ при изученіи признаковъ различныхъ болѣзней прислушивался и присматривался къ своему организму, и если и не ходилъ къ профессорамъ, то во всякомъ случаѣ провелъ не мало тревожныхъ минутъ наединѣ съ самимъ собою, представляя у себя всевозможные страшные недуги...

Но при дальнѣйшемъ чтеніи «Записокъ врача» толь-

ко что возродившіяся иллюзіи представленія знакомыхъ ощущеній рушатся вновь. Авторъ опять отвлекается отъ дѣйствительнаго смысла вещей и ради приданія имъ болѣе художественныхъ формъ отступаетъ отъ правительнаго изображенія сущности явленій. Онъ снова начинаетъ смотрѣть на вещи глазами какъ бы мало-по-священнаго въ ихъ суть человека, не имѣя возможности или не желая отдѣлаться отъ ихъ житейскаго смысла.

Такой взглядъ на вещи былъ бы простителемъ какому нибудь интервьюеру, попавшему на операцію или на обходъ въ больницу. Все ему странно, ново, непонятно, и онъ смотритъ на вещи чисто лишь съ ихъ внѣшней стороны.

Не можетъ же показаться юношѣ-студенту, пришедшему въ храмъ науки съ желаніемъ познать истину и вникнуть въ глубь человѣческой природы, не можетъ показаться ему «очерствѣніемъ» сердець спокойное отношеніе къ человѣческимъ недугамъ, спокойное, но глубокое изученіе ихъ и отрѣшеніе отъ ихъ внѣшнихъ житейскихъ проявленій для болѣе глубокаго проникновенія въ ихъ причины и суть.

Не болѣшую-ли жестокость, не большее-ли «очерствѣніе» своего сердца проявимъ мы тогда, когда, считая необходимымъ для спасенія жизни или облегченія страданій даннаго человека причинить ему сильную минутную боль и, боясь послѣдней, не производимъ показанныхъ для того дѣйствій. Не большее-ли «очерствѣніе» доказываетъ боязнь многихъ сердобольныхъ матерей уколоть ручку ребенка для привитія оспы, несмотря на угрожающую ему опасность подвергнуться всѣмъ столь извѣстнымъ ужасамъ натуральной оспы?

Не то «очерствѣніе», когда мы спокойно подходимъ къ больному съ благими намѣреніями облегчить его болѣзнь или, по крайней мѣрѣ, ободрить его угнетенный духъ, а то — худшее «очерствѣніе», когда мы разво-

димъ свои сантиментальныя идеи, вооружая и отвлекая несчастныхъ страдальцевъ отъ тѣхъ quasi-«очерствѣлыхъ» сердецъ, которыя своимъ «очерствѣніемъ» попытались бы возвратить имъ потерянное здоровье!

Еще болѣе страннымъ кажутся мнѣ разсужденія автора насчетъ изслѣдованія студентами больныхъ съ учебной цѣлью. На насъ эти изслѣдованія больныхъ не производили такого впечатлѣнія, какъ на автора «Записокъ врача», и потому я прямо съ недоумѣніемъ читаю его, относящіяся къ этому предмету, строки.

Изъ своей студенческой жизни я, насколько припоминаю, не могу указать большого неудовольствія со стороны больныхъ при изслѣдованіи ихъ учащейся молодежи. Правда, нѣкоторые интеллигенты высказывали иногда студентамъ свои претензіи, но въ общемъ никакъ не въ болышей степени, чѣмъ и самимъ лечившимъ ихъ ординаторамъ. Многіе же больные относились къ студентамъ очень милостиво, входили со многими изъ нихъ въ дружбу. Они какъ бы гордились тѣмъ, что, обладая симптомами своей болѣзни, привлекаютъ къ себѣ возбужденное вниманіе студентовъ и представляютъ для нихъ такой глубокій интересъ.

Что касается до тяжелыхъ больныхъ, то въ нашихъ клиникахъ къ нимъ относились очень деликатно. Изслѣдовать и осмотрѣть ихъ позволялось заразъ лишь немногимъ студентамъ, и мы постоянно спрашивали больного, не усталъ-ли онъ и не желаетъ-ли отдохнуть. Напротивъ, я могъ бы скорѣе указать такое явленіе, которое покажется совершенно противоположнымъ къ развиваемымъ авторомъ идеямъ и заставляло насъ испытывать какъ-разъ противоположныя чувства.

Очень многіе простые больные въ каждомъ изъ насъ видѣли уже свѣдущаго врача, могущаго оказать имъ прямую помощь. А вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая наше невысокое положеніе, они съ тѣмъ болышей смѣлостью и откровенностью разговаривали съ нами, не только

предлагая, но даже прося изслѣдовать ихъ болѣзнь, объяснить ея сущность и высказать свои мысли относительно ея леченія и исхода.

И при такихъ условіяхъ приходилось ощущать какой-то стыдъ, какую-то неловкость, что на тебя, при всемъ ограниченномъ запасѣ твоихъ знаній, при всемъ еще неумѣннѣ приступить къ сути дѣла, уже возлагаются такія надежды, предъявляются такія просьбы.

Въ женскихъ клиникахъ, конечно, присутствіе студентовъ для больныхъ особенно пріятнымъ показаться не можетъ; но въ мое время, — а оно приблизительно совпадаетъ съ временемъ обученія *Вересаева* — большихъ злоупотребленій при изслѣдованіи женщинъ не позволялось, и студенты впускались въ женскую амбулаторію лишь малыми группами. Во всякомъ случаѣ, чтобы женщинъ осматривали «мерзко, гнусно», сказать невозможно никоимъ образомъ, и нужно предполагать, что авторъ «Записокъ» опять не съумѣлъ отвлечься отъ житейскаго взгляда на вещи и смотрѣлъ на изслѣдованіе женщинъ въ больницѣ такъ же, какъ если бы это было сдѣлано гдѣ-нибудь на улицѣ или въ гостиной.

Что касается до собственныхъ разсужденій автора объ изслѣдованіи больныхъ съ учебной цѣлью, то въ этихъ разсужденіяхъ уже прямо проглядываетъ взглядъ мало вдумавшагося въ суть дѣла человѣка.

Всякій думающій человѣкъ долженъ понять, что на согласіе больныхъ подвергнуться изслѣдованію въ клиникѣ нѣсколькими лицами съ учебной цѣлью надо смотрѣть какъ на *особый видъ взаимопомощи больныхъ другъ передъ другомъ*. Представимъ себѣ, что какая нибудь шепетильная больная приходитъ лечиться къ знаменитому профессору. Прежде всего она должна задать себѣ вопросъ, благодаря чему этотъ профессоръ такъ хорошо знаетъ свое дѣло? Вѣдь, не родился же онъ такимъ, вѣдь не получилъ же онъ свои знанія свыше.

Раньше былъ онъ также студентомъ и также безъ пользы для самихъ больныхъ изслѣдовалъ и этимъ самымъ утомлялъ ихъ. Но тѣ больные волей или неволей покорялись этимъ неудобствамъ и въ концѣ концовъ воспитали профессора такимъ, какимъ онъ привлекаетъ теперь вышеназванную щепетильную особу.

Слѣдовательно, надо смотрѣть на дѣло такъ: данная особа пользуется отъ профессора не его только личными услугами, которыя она, конечно, можетъ всегда купить за деньги при какой ей угодно удобной обстановкѣ. Нѣтъ, она пользуется только черезъ этого профессора услугами тѣхъ своихъ предшественниковъ по болѣзни, на которыхъ профессоръ обучался и совершенствовался самъ. А этимъ своимъ предшественникамъ эта щепетильная особа не можетъ заплатить никакими деньгами подобно тому, какъ сынъ или дочь не могутъ заплатить своей матери за всѣ ея мученія и заботы, давшія имъ въ результатъ жизнь и подготовку къ необходимой для нея дѣятельности. Плата, которая при этомъ возможна, уже не возвратится назадъ къ тому, кто ее заслужилъ. Она идетъ впередъ. Родительскія заботы, которыми мы были выведены изъ беспомощнаго состоянія ребенка въ разумное состояніе взрослого человѣка, обязываютъ насъ перенести тѣ же заботы на нашихъ собственныхъ дѣтей. Заботы же наши къ нашимъ престарѣлымъ родителямъ, хотя и считаются искупающими ихъ заботы о насъ, но вѣдь онѣ не составляютъ и тысячной доли родительскихъ заботъ о дѣтихъ, а потому и не могутъ ихъ вполне искупить.

То же самое наблюдаемъ мы и повсюду въ жизни.

Вотъ роскошный паркъ. Мы наслаждаемся его зеленью, ароматомъ его вѣковыхъ липъ и сосенъ... Тотъ, кто доставилъ намъ эти наслажденія, кто посадилъ этотъ паркъ, работалъ не для себя, такъ какъ не могъ надѣяться, что доживетъ до его расцвѣта. Онъ поло-

жилъ въ него лишь свои труды; свои волненія, претерпѣлъ быть можетъ изъ-за него массу непріятностей и лишеній. Всѣми же благами этого парка пользуемся мы, не ударившіе для него палецъ о палецъ. Нельзя же отсюда вывести заключеніе, что мы, гуляя въ паркѣ, можемъ спокойно наслаждаться имъ, не считая себя обязанными расширять или по крайней мѣрѣ поддерживать его. Не станемъ же мы успокаивать себя тѣмъ, что на нашу жизнь его хватить, а «après nous le déluge» — послѣ насъ хоть потопъ. Нѣтъ, если въ насъ есть совѣсть, то и мы сочтемъ долгомъ поддерживать этотъ паркъ. Мы насадимъ новые отдѣлы его, которыми хотя и не воспользуемся сами, которые причинятъ намъ лишь расходъ и заботы, но доставить наслажденіе нашимъ потомкамъ, какъ доставляютъ наслажденіе намъ безвозмездные для нихъ самихъ труды нашихъ предковъ.

Такимъ образомъ, повсюду въ жизни мы наблюдаемъ тотъ принципъ, что предки трудятся для потомковъ, а послѣдніе оплачиваютъ свой долгъ вмѣсто предковъ своимъ дальнѣйшимъ потомкамъ. Въ силу этого и въ медицинѣ каждый изъ насъ пользуется знаніемъ врачей, почерпнувшихъ его изъ изслѣдованія нашихъ предковъ, которымъ они во время своего обученія, быть можетъ, не привесли никакой пользы. Въ силу этого и мы, чтобы отплатить за труды предковъ, должны и сами на нашихъ болѣзняхъ готовить врачей для своихъ потомковъ. По той же причинѣ и вышеуказанная особа совершенно не вправѣ требовать, чтобы надъ нею никто не учился, разъ если она пользуется знаніями профессоровъ, получившихъ ихъ надъ предыдущими больными. Вся бѣда тутъ, какъ и повсюду, заключается именно въ неравномѣрности всѣхъ повинностей, возлагаемыхъ на богатыхъ и бѣдныхъ. Самъ *Вересаевъ* говоритъ, что врачи учатся на бѣдныхъ, а лечатъ и богатыхъ, и что только нужда заставляетъ бѣдняковъ позволять на себѣ учиться.

Вѣдь такое же явленіе наблюдается во всѣхъ сторонахъ жизни. Вѣдь не отъ радости машинистъ мерзнетъ и проводитъ цѣлыя сутки безъ сна на паровозѣ, а какой-нибудь купчикъ, прожигающій отцовское наследство, со всѣмъ комфортомъ располагается въ купе перваго класса. Вѣдь не отъ радости крестьянская баба съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ отправляется въ знойную пору на жнитво, тогда какъ дама высшаго свѣта уѣзжаетъ въ умѣренныя приморскія страны и проводитъ время

«Подъ плѣнительнымъ небомъ Сициліи
Въ благовонной древесной тѣни...»

То, чего такъ боится *Версеевъ*, что въ случаѣ исчезновенія бѣдности, не будетъ и матеріала для клиническаго обученія врачей — опасеніе совершенно напрасное. Общій законъ природы возьметъ свое. Разъ не будетъ бѣдности, разъ люди возвысятся настолько, что уничтожатъ этотъ бичъ ихъ соціальной жизни, то они возвысятся и настолько, что поймутъ свою нравственную обязанность, пользуясь услугами предковъ, оплачивать такой же услугой своимъ потомкамъ. Тогда каждый больной сочтетъ долгомъ позволить учиться на себѣ молодымъ врачамъ, готовящимся для его потомства; и если теперь для обученія врачей служатъ лишь бѣдняки, на долю которыхъ въ силу этого достается больше труда, тогда это обученіе будетъ разложено на всѣхъ, и на долю каждого достанется меньшее количество обучающихся на немъ студентовъ. Уже и въ настоящее время мѣстами существуетъ, а мѣстами проводится проектъ для большаго ознакомленія студентовъ съ своимъ дѣломъ и для меньшей концентраціи ихъ около немногихъ клиническихъ больныхъ предлагать имъ наблюденіе за больными, лечащимися на домахъ. Надо надѣяться, что осуществленіе этой мысли принесетъ только пользу, какъ студентамъ, такъ и больнымъ.

Итакъ, на основаніи всего вышеизложеннаго, слѣ-